СОРОК СЕДЬМОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Вторник 18 июня 1946 года, 3 ч. дня *Хантер колледж, Нью-Йорк*

Председатель: Г-н КАСТИЛЬО-НАХЕРА (Мексика)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик, Франции.

85. Предварительная повестка дня (S/89)

1. Утверждение повестки дня.
2. Испанский вопрос:
   a) Письмо представителя Польши от 8 апреля 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/32)[177].
   b) Письмо представителя Польши от 9 апреля 1946 года на имя Генерального Секретаря (S/34)[178].
   c) Доклад Подкомитета по испанскому вопросу, учрежденного Советом Безопасности 29 апреля 1946 года (S/75)[179].
   d) Заключение о фактической стороне испанского вопроса (меморандум в дополнение в докладу Подкомитета) (S/76)[179].
   e) Письмо представителя Бразилии от 2 июня 1946 года на имя председателя Подкомитета по испанскому вопросу, учрежденного Советом Безопасности 29 апреля 1946 года (S/77)[179].

86. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

87. Обсуждение испанского вопроса (продолжение)

Г-н ДЖОНСОН (Соединенные Штаты Америки) *(говорит по-английски):* На сорок пятом заседании я заявил, что мое правительство поддержит предложенный г-ном Эваттом пересмотренный проект резолюции. Как я тогда указал, мое правительство согласно с основной идеей, лежащей в основе этой резолюции и заключающейся в том, что коль скоро франкистский режим не представляет угрозы миру по смыслу положений главы VII Устава, то Совету лучше всего применять принципы, изложенные в декларации трех держав от 4 марта 1946 года[180], и передать вопрос Генеральной Ассамблее на рассмотрение и решение.

После продолжительного обмена мнениями г-н Эватт и члены Подкомитета согласились внести в свои рекомендации незначительные изменения, чтобы не ограничивать свободы действий Генеральной Ассамблеи и дать ей возможность принять свое собственное решение, основанное на обстановке, которая сложится к тому времени.

Верно, что поправка, предложенная сэром Александром Кадоганом на сорок шестом заседании, достигает этой основной цели, и я бы ее поддержал, если бы она была внесена первой. Но так как, при данных обстоятельствах, я уже высказался от имени моего правительства за резолюцию, предложенную г-ном Эваттом от лица Подкомитета, я буду голосовать за нее и поэтому воздержусь от голосования поправки сэра Александра Кадогана.

С большим интересом выслушал я его замечания относительно применения пункта 7 статьи 2 Устава, как и мнения, высказанные по этому поводу другими представителями. Я ограничусь в связи с этим лишь заявлением, что мое правительство не разделяет полностью взглядов, высказанных представителем Соединенного Королевства. По нашему мнению, если учесть все стороны испанского вопроса, статья 2 не возбраняет Совету Безопасности принятия мер, предложенных в пересмотренной резолюции г-на Эватта.

Прежде чем закончить, я хочу высказать, хоть и с некоторым опозданием, свою личную признательность нашему бывшему председателю г-ну Пароди и подчеркнуть, насколько я ценю тот такт, ту любезность и то понимание, которые он неизменно проявлял по отношению ко всем членам Совета Безопасности, а также терпение, с которым он всегда выслушивал их личные взгляды.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) *(говорит по-английски):* Я хочу разъюмировать положение, создавшееся перед голосованием представленных нам текстов.

Разрешите мне прежде всего отметить, что статья 24 Устава предусматривает представление Советом Безопасности «на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ежегодных докладов и, по мере надобности, специальных докладов». Это не ставится в зависимость от голосования. Устав нам это вменяет в обязанность.

Если мы примем это во внимание, то голосование, которое мы собираемся произвести, может иметь, если я не ошибаюсь, троякий результат. Совет может принять поправку Соединенного Королевства, утвердив тем самым принципы, содержащиеся в декларации правительств Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки

---

177 См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 2, приложение 3a.

178 Там же, приложение 3b.

179 См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Специальное дополнение, пересмотренное и исправленное издание.

180 См. Официальные отчеты, Совет Безопасности, первый год, первая серия, Специальное дополнение, пересмотренное и исправленное издание, стр. 42.

и Франции от 4 марта 1946 года, и ограничившись передачей Генеральной Ассамблее отчетов о своих дебатах, в том числе, конечно, и доклада Подкомитета. С другой стороны, Совет может принять измененный проект резолюции Подкомитета, в котором содержится рекомендация о принятии мер против франкистского режима. Если не будет принято ни то, ни другое из этих предложений, есть третья возможность, а именно что Совет, хоть и не подтвердит прямо принципов декларации трех держав от 4 марта 1946 года и не рекомендует Генеральной Ассамблее принятия соответствующих мер, будет тем не менее обязан, согласно статье 24 Устава, ознакомить Генеральную Ассамблею с ходом работ Совета. В последнем случае, поэтому, будет фактически принята поправка Соединенного Королевства, но без утверждения принципов декларации трех держав.

Мне не трудно поддержать эти принципы и у меня не может быть никаких возражений против пункта *b* с поправкой, предложенной представителем Соединенного Королевства, так как рекомендованные в нем меры все равно должны быть приняты, как я только что пояснил, согласно статье 24 Устава. Поэтому я вполне готов голосовать за предложение Соединенного Королевства.

Но за измененный проект резолюции Подкомитета я голосовать не могу по причине, указанной мною на сорок пятом заседании. Тем не менее, чтобы в возможной степени не нарушать единодушия, я воздержусь от голосования по этому проекту резолюции, оставляя за своим правительством право свободной его оценки.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я уже имел возможность изложить точку зрения советской делегации на обсуждаемый вопрос. Я не имею почти ничего добавить по существу вопроса к тому, что было мной сказано на предыдущих заседаниях Совета Безопасности. Я ограничусь сегодня тем, что сделаю два-три замечания в связи с выступлениями некоторых членов Совета Безопасности, главным образом на вчерашнем заседании Совета.

В своем выступлении, которое я слушал с интересом, г-н Эватт заявил о том, что такая мера, как разрыв дипломатических отношений с правительством Франко, если бы решение об этом было принято, могла бы послужить основанием автоматически для принятия более решительных мер, как он выразился, для открытия военных действий против франкистской Испании. Таков был смысл замечания г-на Эватта.

Мне кажется, что такой вывод является результатом какого-то печального недоразумения. Ведь дело в том, что разрыв дипломатических отношений, приведенный в статье 41 Устава наряду с некоторыми другими мерами, которые призваны устранить угрозу миру в случае ее появления, отличается по своему характеру от мер, которые рекомендуются статьей 42 Устава. Я подчеркиваю, что в статье 41 Устава рекомендованные меры имеют превентивный характер, в то время как меры, предписываемые статьей 42 Устава, должны применяться в случае нарушения мира и актов агрессии. И не случайно, поэтому, глава, которая содержит упомянутые статьи 41 и 42, озаглавлена так: «Действия в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии», и соответственно разные статьи этой главы предусматривают разные меры по своему характеру, в зависимости от степени угрозы миру, в зависимости от того также, имеет ли место просто угроза миру или нарушение мира — акт агрессии.

Я повторяю, что вывод, сделанный г-ном Эваттом, мне кажется, является результатом какого-то недоразумения, ибо такой вывод не вытекает из Устава, из соответствующих статей главы VII Устава. Устав имеет в виду, что меры, перечисленные в статье 41, имеют своим назначением, имеют своей целью не усугубление или обострение угрозы миру, а наоборот, устранение угрозы миру. Как же можно говорить о том, что принятие мер в соответствии со статьей 41 Устава неизбежно повлечет, или должно повлечь, следующие более решительные меры, вплоть до военных действий против соответствующего государства? Это — мое первое замечание.

Второе замечание, которое я хочу сделать, также связано с выступлением представителя Австралии. Г-н Эватт заявил в одном из своих выступлений, что передача испанского вопроса в Генеральную Ассамблею обосновывается и оправдывается тем, что в испанском вопросе заинтересованы не только члены Совета Безопасности, но заинтересованы также все члены Организации Объединенных Наций. Сам по себе этот тезис правильный. Действительно, в решении испанского вопроса заинтересованы не только члены Совета Безопасности, но заинтересованы все члены Организации Объединенных Наций.

Однако сам вопрос поставлен неправильно. Дело-то в том, что принятие Советом Безопасности решительных практических мер, направленных на устранение угрозы миру, которую представляет в Испании фашистский режим Франко, не противоречит тезису о том, что в существующей в Испании ситуации заинтересованы не только члены Совета Безопасности, но и все члены Организации Объединенных Наций. Вот что говорит по этому поводу статья 24 Устава Организации. Я читаю первый пункт:

«Для обеспечения быстрых и эффективных действий Организации Объединенных Наций ее члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашаются в том, что, при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности, Совет Безопасности действует от их имени», т. е. от имени всех членов Организации Объединенных Наций.

Следовательно противоречие, о котором здесь говорил г-н Эватт, является мнимым противоречием, этого противоречия в действительности не существует.

Третье мое замечание: Я очень ценю попытки г-на Эватта, как и попытки некоторых других членов Совета Безопасности прийти к единодушному решению по испанскому вопросу, но я исхожу также не только из желания найти единодушное решение этого вопроса, но из необходимости найти правильное решение этого вопроса, которое бы соответствовало серьезности ситуации, которая существует в Испании.

Г-н Эватт обращается ко мне с просьбой подчиниться мнению большинства. Я тоже могу направить такую же просьбу по адресу г-на Эватта, сформулировав ее так: Я просил бы г-на Эватта присоединиться к предложению, которое я считаю правильным и соответствующим существующей обстановке.

Дело в том, что обращение г-на Эватта недостаточно подкрепляется выводами. Получается на поверхности эффективно, но положение остается все равно без изменения, ибо вывод, который сделан Подкомитетом, является неправильным и не соответствующим обстановке и требованиям этой обстановки. Нечего уже говорить о том, что резолюция, которая была представлена позже, а именно на сорок пятом заседании, значительно ослабляет даже предложение Подкомитета. Предложения эти слабые, недостаточные, несоответствующие требованиям обстановки. Чего достигли бы мы, Совет Безопасности, если бы мы вынесли решение о передаче испанского вопроса в Генеральную Ассамблею даже без рекомендации предпринять определенные практические меры. Ведь в этом смысл последнего варианта. Он не содержит даже конкретных предложений, определенных предложений, которые содержались в первом варианте резолюции Подкомитета, тоже недостаточном. Мы ничего не добились бы, кроме того, что устранились бы от решения испанского вопроса в Совете. Это единственный результат, которого мы достигли бы, но это — результат отрицательный, а не положительный.

Все равно, любой член Организации Объединенных Наций может поставить испанский вопрос, как и другой вопрос, на любой сессии Генеральной Ассамблеи, если этим вопросом не занимается в данный момент Совет Безопасности. Любой член может поднять этот вопрос с одинаковыми шансами на успех или на неудачу. Значит, практически мы никаких результатов не получаем от того, что материалы, как и весь вопрос испанский, передадим в Генеральную Ассамблею, кроме того, что Совет Безопасности распишется в своей собственной неспособности принять практическое решение по проведению конкретных мер в отношении фашистского режима Франко.

Я считаю довольно интересным сообщение, которое было сегодня получено из Мадрида. Сообщение это было передано американским агентством United Press:

«Мадрид. Политические корреспонденты сообщают, что официальные круги здесь «в восторге» по поводу усилий, прилагаемых сэром Александром Кадоганом в Совете Безопасности Объединенных Наций, чтобы оттянуть принятие мер против режима генералиссимуса Франциско Франко. Подчеркивая, что, несмотря на то, что еще слишком рано, чтобы говорить о проявлении общественного мнения, корреспонденты добавляют, что существует широко распространенная уверенность в том, что как Великобритания, так и Соединенные Штаты не хотят предпринимать в настоящее время решительных шагов против Испании».

В связи с тем, что нам предстоит принять какое-то решение по испанскому вопросу, я хочу в заключение заявить, что я не хотел бы, чтобы меня, как члена Совета Безопасности, представителя Советского Союза, расхваливал Франко и его клика в связи с решением Совета Безопасности. Я бы не хотел этого.

Я закончу тем, с чего начал. Я уже изложил достаточно подробно в свое время позицию советской делегации по этому вопросу. Мало чего имею добавить по существу и поэтому я ограничу свою задачу теми некоторыми замечаниями, которые я только что сделал.

Г-н ЛАНГЕ (Польша) *(говорит по-английски)*: Как представитель, по инициативе которого испанский вопрос был доведен до сведения Совета, я хотел бы сделать несколько замечаний, прежде чем мы приступим к голосованию.

Как вы помните, моя делегация представила испанский вопрос в соответствии с инструкциями, полученными от польского правительства, на рассмотрение Совета на его тридцать четвертом заседании 17 апреля. Я обратил внимание Совета на то обстоятельство, что существование франкистского режима в Испании и его действия вызвали международные трения и представляют угрозу международному миру и безопасности. Я сообщил Совету в обоснование этого утверждения ряд фактов и закончил свое тогдашнее выступление представлением резолюции, предлагающей Совету объявить, что существование и действия франкистского режима «...привели к международным трениям и создали угрозу международному миру и безопасности».

В этой резолюции далее говорилось, что Совету следует на основании полномочий, которыми он облечен согласно положениям Устава, призвать всех членов Организации Объединенных Наций, поддерживающих дипломатические отношения с правительством Франко, к их немедленному разрыву.

Резолюция заканчивалась предложением Совету выразить «испанскому народу свою глубокую симпатию», объявить, что он «верит и надеется, что испанский народ вновь обретет свободу, которой он был лишен с помощью и по происках фашистской Италии и нацистской Германии», и что он «убежден, что скоро наступит тот день, когда он сможет приветствовать испанский народ среди членов Организации Объединенных Наций».

Многие члены Совета не были тогда вполне убеждены в том, что фактическое положение дает основание сделать предложенные мною Совету выводы. Поэтому 29 апреля, на тридцать девятом заседании Совета, был учрежден Подкомитет по испанскому вопросу для изучения фактического положения. Как помните, я поддержал предложение об учреждении Подкомитета, голосовал за него и стал его членом.

После четырех, приблизительно, недель работы Подкомитет достиг известных результатов и представил Совету определенные факты и заключения. Факты, установленные Подкомитетом, вполне подтверждают предъявленные моей делегацией обвинения.

Доклад Подкомитета указывает, что существование франкистского режима в Испании является вопросом международного значения. В докладе говорится, что режим этот вызвал междуна-

родные трения и, наконец, что этот режим привел к ситуации, «могущей представить угрозу поддержанию международного мира и безопасности». Таким образом я считаю, что произведенное Подкомитетом расследование полностью подтвердило обвинения, представленные на рассмотрение Совета делегацией Польской Республики.

Подкомитет представил также некоторые рекомендации. Они не вполне отвечают тому, что я предложил. Но они принципиально принимают мое предложение о разрыве дипломатических отношений с правительством Франко, хотя и делают это сложными и окольными путями.

Подписывая доклад Подкомитета, я сделал оговорку относительно истолкования статьи 39 Устава и хотел бы повторить эту оговорку здесь с соответствующими пояснениями.

Доклад Подкомитета проводит различие между потенциальной и фактической угрозой миру и затем, переходя к толкованию статьи 39, говорит, что под содержащимся в ней выражением «угроза миру» понимается лишь фактическая, но не потенциальная угроза. Я никак не могу понять этого различия. Любая угроза миру имеет потенциальный характер. Эта угроза может осуществиться завтра, послезавтра или через пять лет, вопрос лишь во времени. Когда угроза миру перестает быть потенциальной, мы оказываемся перед лицом фактической агрессии.

Кроме того, если мы будем считать, что действие статьи 39 не распространяется на потенциальную угрозу миру, т. е. если мы будем ждать прямых актов агрессии, то вся Организация Объединенных Наций и в частности Совет Безопасности как ее орган, ведающий поддержанием мира, окажутся бесцельными. Принять столь узкое толкование статьи 39, т. е. решить, что ее действие не распространяется на потенциальную угрозу миру, значило бы обречь Совет Безопасности на бездействие при том положении, которое существовало до фактического вторжения фашистской Италии в Эфиопию или до фактической бомбардировки нацистской Германией польских городов.

Мне кажется также, что перечисленные в статье 41 санкции ясно показывают, что когда в статье 39 говорится об угрозе миру, то имеется в виду не только уже совершенный акт агрессии или угроза, которая может осуществиться через несколько недель или месяцев, но всякая угроза, даже потенциальная. Иначе такие санкции, как перерыв почтовых и телеграфных сообщений и радиосвязи, а также разрыв дипломатических отношений не имели бы вообще никакого смысла. Если угроза миру является столь непосредственной, что в любой момент могут начаться военные действия, единственные санкции, имеющие смысл, — это военные санкции. Но в статье 41 явно предусматриваются более мягкие меры воздействия, что мы и должны иметь в виду при толковании статьи 39. Но я не хочу останавливаться на этих вопросах юридической интерпретации.

В связи с процедурой, предложенной Подкомитетом, возникает еще и другая опасность. Эта процедура, как известно членам Совета, предусматривает передачу обсуждаемого вопроса в Генеральную Ассамблею с рекомендацией о принятии соответствующих мер. Можно опасаться, что такой шаг создаст нежелательный прецедент: Совет Безопасности может усвоить дурную привычку уклоняться от ответственности, передавая сложные вопросы другим органам Объединенных Наций. Я думаю, что именно это и беспокоит так сильно представителя СССР, и я его вполне понимаю.

Но задача наша заключается не в том, чтобы обсуждать юридические вопросы, возникающие в связи с докладом Подкомитета, а в том, чтобы решить, какие меры Совету принять. По моему мнению, наилучшим решением Совета было бы немедленно высказаться путем голосования за разрыв дипломатических отношений с франкистским режимом.

Но если это невозможно, то моя делегация считает в высшей степени важным принять какие-либо другие конкретные меры. Имея именно это в виду, я поддерживал как в Подкомитете, так и позднее рекомендации, единогласно принятые Подкомитетом. Я их поддерживал не потому, что они меня полностью удовлетворяли, а потому, что считал их шагом в правильном направлении, шагом, ведущим к конкретным мероприятиям Организации для устранения франкистского режима, существование которого является, по единодушному мнению Подкомитета, проблемой международного значения, вызывает международные трения и создает угрозу поддержанию международного мира и безопасности.

Первоначальные рекомендации Подкомитета были изменены позднее по консультации с представителем Соединенных Штатов. Я должен откровенно признаться, что не считаю эти изменения вполне удовлетворительными, так как добавление слов «или [чтобы] были приняты другие меры, которые Генеральная Ассамблея сочтет подходящими и эффективными», ослабляет первоначальные рекомендации Подкомитета. Но я также понимаю, что готовность правительства Соединенных Штатов присоединиться к рекомендации, предусматривающей принятие конкретных мер против франкистского режима, имеет огромное значение. Поэтому я согласился с другими членами Подкомитета на изменение первоначального текста резолюции.

Во всем этом моя делегация руководствовалась и продолжает руководствоваться искренним желанием прийти к единодушному решению в Совете Безопасности. Но я хочу отметить, что уступки, сделанные моей делегацией в интересах единодушия, имели, с другой стороны, следствием ослабление предложений, внесенных сперва мной, а затем Подкомитетом. И я думаю, что, сделав последнюю уступку, мы дошли до предела.

Другое изменение доклада Подкомитета было предложено сэром Александром Кадоганом, представителем Соединенного Королевства. Я считаю, что принятие еще этого предложения настолько ослабило бы первоначальные предложения, содержащиеся в докладе Подкомитета и в моем заявлении от 17 апреля, что было бы равносильно полному отказу от каких-либо действий.

Что это так, подтверждает сообщение United Press из Мадрида, которое я хотел огласить в

Совете, но которое уже цитировал представитель СССР. Я напомню лишь одну фразу, а именно: «политические корреспонденты сообщают, что официальные круги здесь «в восторге» по поводу усилий, прилагаемых сэром Александром Кадоганом в Совете Безопасности Объединенных Наций, чтобы оттянуть принятие мер против режима генералиссимуса Франциско Франко».

По-моему, это сообщение опровергает также и другое утверждение некоторых представителей, будто применение к франкистскому режиму политических санкций, как разрыв дипломатических отношений, усилит этот режим. Если бы это было так, я не думаю, чтобы правительство Франко было «в восторге» — сохраняю выражение United Press — от поправки, имеющей в виду отклонение рекомендации о разрыве дипломатических отношений.

Что касается меня, то я не хочу давать правительству Франко повод выражать свою радость. Я должен поэтому к сожалению заявить, что не могу принять поправки, внесенной представителем Соединенного Королевства. Я должен также сообщить как своим коллегам по Подкомитету, так и Совету Безопасности в целом, что в случае принятия этой поправки я буду вынужден, как бы мне ни было жаль, голосовать против измененной таким образом рекомендации Подкомитета.

Хочу также заявить Совету, что, хотя польская делегация и принимает рекомендацию Подкомитета, она делает это с двумя оговорками.

Прежде всего я хочу самым определенным образом подчеркнуть, что принятие рекомендаций Подкомитета не должно никоим образом умалить прав Совета Безопасности и не должно также послужить прецедентом, на основании которого Совет, натолкнувшись на затруднения, уклонился бы от ответственности и передал вопрос другому органу Объединенных Наций. Это было бы несомненно нежелательным приемом, который бы пагубным образом отразился на эффективности функционирования Организации. Я принимаю рекомендации Подкомитета лишь потому, что считаю испанский вопрос совершенно особым вопросом, а также потому, что моя делегация стремится к единодушному решению о конкретных мероприятиях.

Кроме того, я хочу довести до сведения Совета, что принимаю резолюцию Подкомитета лишь в интересах единодушия. Поэтому, если вопреки моим надеждам Совет не примет такого решения, я буду считать себя вправе предложить Совету проголосовать мою первоначальную резолюцию, приглашающую Совет Безопасности призвать всех членов Организации к разрыву дипломатических отношений с правительством Франко.

Во время прений в Совете выявились значительные расхождения в вопросах юридического толкования, необходимой процедуры и проч. Но я обращаю внимание членов Совета на то, что, несмотря на эти расхождения, Совет был во многих отношениях единодушен. Ни один из членов Совета не сказал ни одного слова в защиту франкистского режима в Испании; большое значение имеет также то обстоятельство, что Подкомитет представил единогласно принятый доклад, являющийся ярким обвинительным актом против фашистского режима Франко.

Значение этого обстоятельства не должно быть упущено из виду. В частности, я надеюсь, что испанский народ полностью учтет наше единодушие и не позволит себя обмануть франкистской пропаганде, которая будет раздувать те или иные расхождения в юридическом толковании, в вопросах процедуры и проч. Испанский народ должен помнить, что здесь был вынесен единодушный приговор франкистскому режиму. Даже резолюция от 29 апреля, на основании которой был учрежден Подкомитет и которая была принята без единого голоса против[181], как и доклад Подкомитета единодушно клеймят франкистский режим. И во время наших прений, за одним или двумя исключениями, критика доклада Подкомитета объяснялась не защитой режима Франко, а как раз напротив.

Она сводилась к тому, что меры, рекомендованные Подкомитетом, недостаточны, что надо принять более сильные и энергичные меры. Таким образом, даже когда казалось, что мнения расходятся, это расхождение во мнениях никак не могло дать самому Франко и его фашистскому режиму основание радоваться. Я выражаю искреннюю надежду, что испанский народ это поймет и будет действовать в соответствии с рекомендациями Подкомитета, не дожидаясь дальнейших шагов. Я также надеюсь, что он собственными усилиями освободится от фашистского режима Франко и установит демократическое правительство, которое позволит Испании войти в семью народов Организации Объединенных Наций.

Я надеюсь, что Совет сможет принять единодушное решение, но я должен добавить, что, если моей надежде не суждено будет осуществиться, польская делегация представит новые предложения, направленные на проведение Советом единодушных мероприятий против фашистского режима Франко.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) *(говорит по-английски)*: Я хочу сказать лишь несколько слов, чтобы рассеять происшедшее недоразумение. Во время своего выступления представитель СССР огласил сообщение для печати из Мадрида. Представитель Польши был столь любезен, что огласил его еще раз, вероятно на тот случай, если я не слушал обоих переводов. В этом сообщении говорилось о том, что официальные круги в Мадриде в восторге от того, что произошло вчера, когда я будто бы предложил что-то, что задержало бы принятие мер, направленных против Испании. Я знаю, насколько иногда трудно понять подлинный смысл отдельных поправок и предложений, набросанных на клочке бумаги. Быть может не следует удивляться, что испанские официальные круги не учли смысла того, что здесь произошло вчера. Но я несколько удивлен, что мои друзья, представители Польши и СССР, сделали ту же ошибку. Если бы они потрудились сравнить мою поправку с предложением Австралии, они бы увидели, что независимо от других изменений, имевшихся в виду в этой поправке, она, как я это по-

[181] См. тридцать девятое заседание.

казал вчера, не имела целью задержать решение испанского вопроса ни на один день.

Г-н ЭВАТТ (Австралия) *(говорит по-английски)*: В интересах процедуры Совета в будущем надо сказать несколько слов о новом вопросе, возбужденном на сегодняшнем заседании двумя представителями, а именно г-ном Громыко и представителем Польши.

Я отнюдь не собираюсь детально разбирать специальный вопрос толкования статей 41 и 42 Устава. Г-н Громыко дал свое толкование этих статей сегодня, чтобы показать, что мероприятия Совета Безопасности, основанные на статье 41, являются превентивными мероприятиями, тогда как меры, принимаемые согласно статье 42, имеют военный характер и к ним прибегают уже после нарушения мира. Но нельзя считать, что это толкование правильно только потому, что кто-то утверждает, что оно правильно. Если г.г. члены Совета взглянут на статью 41, они увидят, что в числе санкций, которые может принять Совет Безопасности, имеется полный перерыв экономических отношений, т. е., иными словами, экономические санкции.

Мне кажется, что правильно толковать эти две статьи следует так: после того как Совет Безопасности определил наличие угрозы миру или нарушения мира, он может вынести решение о принятии мер согласно статье 41 или статье 42 и применить все предусмотренные этими статьями меры, с тем чтобы, как говорится в статье 42, «поддержать или восстановить международный мир и безопасность», или иными словами поддержать мир, если он не был действительно нарушен, и восстановить мир, если нарушение его уже фактически имело место.

Определив существование угрозы миру по смыслу статьи 39, Совет Безопасности может прибегнуть к любым упомянутым в статьях 41 или 42 мерам для предупреждения нарушения мира или для поддержания международного мира и безопасности.

Я обо всем этом говорю лишь для того, чтобы подчеркнуть, сколь серьезно и сколь ответственно решение о наличии угрозы миру согласно статье 39. Лишь в этом случае может Совет перейти к непосредственным реальным мероприятиям и действовать от имени всех наций. Если Совет Безопасности постановит принять определенные меры в подобном случае, остальные нации обязаны по Уставу действовать согласно его указаниям.

Г-н Громыко вполне справедливо отметил также, что желательно единодушие. По моему личному мнению, единодушие не даст ничего, если оно будет достигнуто ценой отказа от принципов. Я вполне согласен с тем, что об этом говорилось, но с точки зрения процедуры голосования мы находимся в несколько странном положении, так как значительное большинство — демократическое большинство Совета Безопасности — может оказаться не в состоянии провести свои решения в жизнь. Это возлагает особую ответственность на тех членов Совета, вето которых может парализовать решение остальных. Лишь поэтому я вчера подчеркнул, что прежде чем голосовать против решения, которое явно отвечает мнению большинства членов Совета, надо очень серьезно подумать, налагать ли вето. Мне кажется, что так понимали дело нации, которые согласились в конце концов в Сан-Франциско на подобную процедуру голосования.

Я считаю, что выявившееся сегодня днем расхождение во мнениях вовсе не относится к юридическому толкованию. Представитель Польши подчеркнул, что угроза миру может создаться задолго до фактического нарушения мира. Мы этого не оспариваем. Подкомитет отнюдь не высказывал иной точки зрения, как с полной очевидностью разъяснил нам представитель Франции г-н Пароди в своем заявлении. Могут иметься данные, доказывающие наличие угрозы миру, в то время как фактическое нарушение мира может произойти позднее. Все зависит от обстоятельств в каждом отдельном случае, что и вызывает необходимость выяснения фактов и их изучения.

В данном случае Подкомитет, учрежденный Советом для изучения фактов, определил на основании представленного ему доказательного материала, что рассматриваемая ситуация не подпадает под действие статьи 39 и что нет налицо угрозы миру. Таким образом, это не вопрос юридического толкования, а вопрос фактических данных и доказательств. Вначале в Совете Безопасности были сделаны некоторые заявления, которые не были подтверждены фактами. Вполне возможно, что факты будут представлены позднее, что они опровергнут сделанные теперь выводы и докажут необходимость принятия другого решения, но таких фактов пока еще не имеется.

Представитель Польши говорит, что при известных обстоятельствах он снова поставит перед нами этот вопрос, чтобы добиться такого результата. Но надо сказать откровенно, что в таком случае Совету должны будут быть представлены дополнительные доказательства, чтобы он мог принять меры на основании статьи 39. Мы обязаны соблюдать Устав. Прежде чем предпринять серьезные шаги, предусмотренные главой VII, мы должны быть уверены, что обстоятельства дела дают право при решении этого вопроса действовать на основании положений статьи 39.

Когда критикуются меры, рекомендованные Подкомитетом на том основании, что они недостаточно решительны, то дело сводится к расхождению во мнениях о том, подпадает ли данный случай под действие той или другой статьи Устава. Подкомитет нашел, что данный случай подпадает под действие одного из положений главы VI, которое позволяет Совету Безопасности принять процедуру, отвечающую наличной ситуации. К этому заключению мы и пришли. Мы отвергли возможность подхода к этому вопросу исходя из положений главы VII. Представитель Польши имеет полное право заявлять, как он и заявил сегодня, что он был бы склонен действовать на основании положений главы VII, но остальные члены Подкомитета на это не были согласны, так как не считали, что представленные доказательства дают право это сделать.

Что касается передачи вопроса в Генеральную Ассамблею, то когда я говорил о желательности этого, я исходил из того, что Совет Безопасности имеет право избрать желаемую процедуру, в ча-

стности, такую, которая бы позволила найти правильное и справедливое решение рассматриваемого им вопроса.

Положение таково: представитель Соединенного Королевства предложил внести дальнейшее изменение в резолюцию, принятую всеми членами Подкомитета и уже измененную в соответствии с предложением представителя Соединенных Штатов. Сэр Александр Кадоган прав, что результатом этой поправки явилась бы передача всего вопроса в Генеральную Ассамблею, но разница между его поправкой и предложением, внесенным мною от имени всех членов Подкомитета, в том числе представителя Польши, заключается в том, что мы рекомендуем Ассамблее принять те или иные конкретные меры. Я считаю, что именно поэтому мы никак не можем принять поправки, предложенной сэром Александром Кадоганом.

Надо также не забывать, — по-моему г-н Громыко, критикуя резолюцию, должен это помнить, — что уже первая рекомендация заключается в предложении Совету Безопасности самому примкнуть к декларации трех держав от 4 марта. Это решение исходило бы не от Генеральной Ассамблеи, а от Совета Безопасности и было бы выражением его взглядов. Эта резолюция, будь то в редакции, предложенной мной при поддержке представителя Соединенных Штатов, или в измененной редакции, предлагаемой представителем Соединенного Королевства, содержала бы декларацию о политике по отношению к франкистскому режиму, поддерживаемую Соединенными Штатами Америки, Соединенным Королевством и Францией и не подвергшуюся ни малейшей критике за все время наших дебатов.

Я должен указать, что, если бы эта резолюция оказалась отклоненной из-за применения правил голосования, виновные в этом лица были бы ответственны за невозможность выражения Советом Безопасности своего отношения к декларации трех держав. Это было бы чрезвычайно прискорбно, так как Совет Безопасности был бы вынужден обойти этот вопрос полным молчанием.

Поправок к первой части резолюции предложено не было. Я считаю, что позиция, занятая Председателем как представителем Мексики, заслуживает большого внимания со стороны всех тех, кто еще не решил, как голосовать.

Здесь говорилось о том, что может по этому вопросу сказать испанская печать или что скажут официальные круги в Испании. Я не уверен, ответил ли на это сэр Александр Кадоган. Интересно знать, что скажут те же испанцы, если в результате чьего-либо вето или решения воздержаться от голосования окажется, что столь важная по духу декларация трех держав от 4 марта не получит одобрения Совета Безопасности. Это тоже может вызвать радость в официальных испанских кругах.

Я позволю себе доложить моим коллегам в Совете Безопасности, что в порядке надлежащей аргументации и установления фактов мы пришли к заключению о необходимости действовать на основании главы VI, а не главы VII, применить положения которой Совет не вправе. Мы должны считаться с фактами. Незачем толковать о законе, если факты не позволяют подвести данный случай под действие этого закона. Передав этот вопрос на рассмотрение Генеральной Ассамблеи, этой трибуны для всех наций, одобрив декларацию трех держав от 4 марта, указав Ассамблее, что если эта декларация не будет выполнена в соответствии с ее духом и буквой в отношении Испании, то Генеральная Ассамблея должна будет принять конкретные меры, — Совет Безопасности тем самым вынесет свое решение по испанскому вопросу.

Я надеюсь, что Совет поддержит резолюцию, внесенную мною от имени Подкомитета.

Наше расследование было продолжительным и трудным. Мы подошли к нашей задаче, руководствуясь лишь желанием выяснить действительные факты, следовать обязательному для всех нас Уставу и приложить усилия к улучшению положения в Испании, которое мы считаем очень серьезным. Всем членам Совета Безопасности следует, по-моему, все это учесть. Некоторые из них не связаны той ответственностью, которая была с самого начала возложена на Подкомитет. Они несомненно прочли его доклад, и так как доклад этот содержит единодушные рекомендации Подкомитета нашего Совета, представляющего по многим вопросам весьма различные мнения, — он должен помочь Совету в его окончательном решении. Я надеюсь, что решение это будет заключаться в принятии рекомендаций, содержащихся в резолюции.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски)*: Ввиду того что в моем списке нет больше желающих выступить, я считаю прения законченными и вопрос готовым для голосования. Согласно правилам процедуры поправка Соединенного Королевства будет поставлена первой на голосование. У членов Совета имеются оба текста, т. е. рекомендации Подкомитета и поправка Соединенного Королевства. Мы видим, что поправка, внесенная представителем Соединенного Королевства касается только пункта *b* рекомендаций, и я ставлю эту поправку на голосование.

Производится голосование поднятием рук. Поправка Соединенного Королевства отклоняется 6 голосами против 2, при 3 воздержавшихся.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски)*: Я ставлю теперь на голосование рекомендации Подкомитета. Этих рекомендаций — три. Первую из них, значащуюся под пунктом *a*, мы сейчас проголосуем.

Производится голосование поднятием рук. За пункт a подано 10 голосов, против — 1 голос.

Пункт a не принимается, так как против его принятия голосовал один из постоянных членов Совета.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски)*: Мы проголосуем теперь пункт *b*.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) *(говорит по-английски)*: Прежде чем мы приступим к голосованию пункта *b*, я прошу разрешения сказать несколько слов по мотивам голосования. Я буду голосовать за пункт *b*. Это может показаться неожиданным и непоследовательным. Если есть с моей стороны непоследова-

тельность, она объясняется тем, что, представляя одного из постоянных членов Совета, который имеет так называемое право вето, я нахожусь в затруднительном положении. Я не скрывал взглядов своего правительства и постарался вчера их откровенно высказать, когда внес поправку, чтобы выяснить позицию Совета. Решительная неудача, которая постигла эту поправку, показала мне, что за резолюцию г-на Эватта стоит большинство — подавляющее большинство, против воли которого мое правительство не хочет идти одним своим решающим голосом. Поэтому я голосую за пункт *b*, причем считаю, что тем самым голосую не столько за резолюцию, сколько против пренебрежения волей большинства.

Совет знает, что у меня были возражения против некоторых частей этой резолюции. Голосуя за нее, я хочу подчеркнуть два момента: во-первых, мое правительство оставляет за собой право поставить на предстоящей сессии Генеральной Ассамблеи эту юридическую проблему во всем ее объеме; во-вторых, мое правительство не считает себя в настоящее время обязанным предпринять какие-либо определенные шаги против Испании.

Производится голосование поднятием рук. За пункт b *подано 9 голосов, против — 1 голос, и 1 член Совета воздержался.*

Пункт b *не принимается, так как против его принятия голосовал один из постоянных членов Совета.*

Г-н ЭВАТТ (Австралия) *(говорит по-английски):* Пункт *c* вытекает из первых двух пунктов. Быть может, его следует поставить на голосование по формальным соображениям.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски):* Да, мы поставим его на голосование для соблюдения формы.

Производится голосование поднятием рук. За пункт c *подано 9 голосов, против — 1 голос, и 1 член Совета воздержался.*

Пункт c *не принимается, так как против его принятия голосовал один из постоянных членов Совета.*

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски):* Теперь мы проголосуем всю рекомендацию в целом, т. е. все три ее пункта.

Производится голосование поднятием рук. За рекомендацию подано 9 голосов, против — 1 голос, и 1 член Совета воздержался.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски):* Все три рекомендации Подкомитета приняты, но так как один из постоянных членов Совета Безопасности голосовал против, резолюция не подлежит выполнению.

А. А. ГРОМЫКО (Союз Советских Социалистических Республик): Я хочу высказаться о заявлении Председателя. Нельзя говорить, что резолюция принята, но не подлежит выполнению. Она просто не принята.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски):* Я не хочу обсуждать этого вопроса с г-ном Громыко. Большинство членов Совета приняло резолюцию; но она не может быть выполнена ввиду вето СССР.

Желает ли представитель Польши внести свое предложение теперь?

Г-н ЛАНГЕ (Польша) *(говорит по-английски):* На вопрос Председателя мой ответ — утвердительный. Как 29 апреля, когда был учрежден Подкомитет, так и в моем сегодняшнем выступлении я оставил за собой право предложить Совету проголосовать мою первоначальную резолюцию. Я сделал это потому, что моя делегация считала нужным, если нам не удастся принять единодушное решение, установить, какие делегации поддерживают мою первоначальную резолюцию.

Я хочу еще добавить, что резолюция, которую я теперь предлагаю вниманию Совета, отличается от первоначального текста одной фразой. Во втором абзаце первоначального текста было сказано: «...на основании полномочий, которыми он облечен согласно статьям 39 и 41 Устава...». Теперь сказано только: «...на основании полномочий, которыми он облечен...».

Это изменение объясняется тем, что, хотя по моему мнению Совет и может действовать, основываясь на положениях статей 39 и 41, мнения по этому вопросу до известной степени разошлись. Я не хочу опять поднимать весь этот вопрос юридической интерпретации. Меня интересуют конкретные мероприятия и выводы, а не юридическое толкование.

Текст резолюции гласит:

«*Совет Безопасности*

заявляет, что существование и действия режима Франко в Испании привели к международным трениям и создали угрозу международному миру и безопасности;

призывает, на основании полномочий, которыми он облечен, всех членов Организации Объединенных Наций, поддерживающих с правительством Франко дипломатические отношения, к их немедленному разрыву;

выражает испанскому народу свою глубокую симпатию; верит и надеется, что испанский народ вновь обретет свободу, которой он был лишен с помощью и по происках фашистской Италии и нацистской Германии;

убежден, что скоро наступит день, когда он сможет приветствовать испанский народ среди членов Организации Объединенных Наций».

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ *(говорит по-английски):* Я не думаю, чтобы Совет был расположен обсуждать эту новую резолюцию сейчас. Я предлагаю включить ее в повестку дня следующего заседания.

После некоторого обсуждения принимается решение о назначении следующего заседания на понедельник 24 июня 1946 года, в 3 часа дня.

Заседание закрывается в 5 ч. 40 м. дня.